

УДК 940.1

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ ЕКАТЕРИНЫ II И ПАВЛА I В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XX вв.

Юрий Сорокин

Аннотация. Рассмотрены основные тенденции в развитии отечественной историографии XIX–XX вв. в части изучения политических режимов Екатерины II и Павла I. Вскрыты факторы, повлиявшие на построения профессиональных историков, показаны метаморфозы и различного рода трансформации их мнений, выстроен хронологический ряд, позволяющий не только установить авторство так называемых общепринятых суждений, но и уяснить особенности доказательной базы, опираясь на которую историки пытались аргументировать свои суждения. Это позволило автору сформулировать тезис, согласно которому историки всегда признавали различия между политическими режимами Екатерины II и Павла I весьма существенными, но оказались не в силах определить, в чем же, собственно, эти различия состоят в конкретно-историческом и формально-логическом аспектах.

Ключевые слова: отечественная историческая литература, политический режим, Екатерина II, Павел I

Введение. Изучение политических режимов и политических систем российских государей XVIII в. в отечественной историографии осуществлялось в контексте реформ системы государственного управления, начатых Петром I. Вектор государственного строительства, задуманный и реализованный Петром Алексеевичем, оставаясь неизменным на протяжении столетия, привел де-факто к становлению в России абсолютной монархии. Последняя в дальнейшем претерпела заметную эволюцию, наличие которой, кажется, признается всеми исследователями.

Вместе с тем ни дореволюционные, ни советские историки не пытались детально изучать эволюцию российского абсолютизма в последней трети XVIII в., затрагивая этот сюжет лишь при разрешении более общих или, чаще, более конкретных проблем. В лучшем случае историк, изучая конкретный вопрос в широких хронологических рамках (например, о правительственной политике или положении дворянства), констатировал те изменения, которые произошли после 1762 г., и только. Отметим также, что отечественные историки на протяжении XIX–XX вв. предпочитали изучать внутреннюю и внешнюю политику Екатерины II, ее законодательную деятельность, быт и нравы эпохи. Предпринимались попытки теоретического осмысления сущности политического режима Екатерины как российскими, так и западными исследо-

вателями. Последние вообще предпочитали на концептуальном уровне следовать в кильватере работ своих российских коллег. Все они единодушно трактовали политический режим Екатерины как «просвещенный абсолютизм», но характеристикам личности самой императрицы вплоть до рубежа XX–XXI вв. специальных работ было посвящено совсем немного. Напротив, интерес исследователей к царствованию Павла Петровича проявился прежде всего в части изучения личности этого государя. В отличие от «просвещенного абсолютизма» Екатерины политический режим Павла хотя и позиционировался исследователями чаще всего как «непросвещенный абсолютизм», так и не стал объектом специального изучения. Споры о том, как надлежит определить сущность павловской эпохи, в литературе XIX–XX вв., по сути дела, не зафиксировано. Соответственно, не спорили и о терминах, с помощью которых надлежало описывать сущность и природу екатерининского и павловского режимов.

Методы, используемые в данной статье, хорошо описаны и апробированы в литературе, прежде всего в трудах А.И. Данилова, и традиционно используются при изучении так называемой проблемной историографии, к каковой и примыкает настоящая публикация. Подобно А.И. Данилову, мы не намерены сводить историографию к истории «чистого исторического знания», но оно будет нас интересовать в первую очередь. При таком подходе основополагающим становится реконструкция взглядов историка, осуществляемая как на фоне магистрального развития исторической науки, так и в контексте общенаучных взглядов конкретного автора, методики и методологии его исследований, влияния на его построения выводов предшественников и т.п. Научные работы ученых-историков XIX–XX вв. составили основу источниковой базы данной статьи. Оговоримся, что публикации ныне действующих авторов, появившиеся в открытой печати с рубежа XX–XXI вв., опущены на том основании, что анализу их воззрений нами посвящены специальные статьи. Следует иметь в виду, что нынешние взгляды ученых на заявленную проблему могут заметно не совпадать с теми положениями, которые они считали истинными в 1990-х гг.

Мемуарные традиции в оценках политических режимов Екатерины II и Павла I. Свое отношение к эпохам Екатерины и Павла первыми выразили современники-мемуаристы. В записках и воспоминаниях, посвященных Екатерине Алексеевне, имеют место восторженные отзывы о ее личностных качествах, а также о ее деятельности. Но когда речь заходит о конкретных политических акциях императрицы, современники не всегда склонны были оценивать их положительно. Налицо, таким образом, известное противоречие между общими оценками эпохи Екатерины и оценками, данными ее отдельным начинаниям.

В мемуарах, посвященных Павлу, также имеет место противоречие в оценках, только в данном случае современники, напротив, приветствовали отдельные начинания Павла Петровича, относясь в целом негативно и к его царствованию, и к его личности. Нельзя не обратить внимание и на то, что лица, близко стоявшие к императору, непосредственно принимавшие участие в его преобразованиях, даже не сочувствуя Павлу, относятся к нему много лояльнее тех, кто был достаточно далек от кормила власти. Мемуарная традиция в исторической литературе на протяжении XIX–XX вв. очень заметна. Нередко историки просто воспроизводили в своих трудах мнения современников, не заботясь об их критическом осмыслении.

Из видных русских историков первым обратился к изучению эпохи Екатерины князь М.М. Щербатов, находившийся в оппозиции к режиму императрицы вплоть до своей смерти в 1790 г. Его трактат «О повреждении нравов в России» дает убийственные картины неприглядной, с точки зрения автора, российской действительности; ответственность за это дворянский историк возлагает лично на Екатерину. Н.М. Карамзин, напротив, в целом положительно оценивая деятельность Екатерины II, в своей «Записке о Н.И. Новикове», написанной в 1784 г., укоряет императрицу за излишний блеск и роскошь ее двора (1988). Позднее, в «Записке о древней и новой России», Н.М. Карамзин признавал, что при Екатерине «правосудие не цело»; «торговали правдою и чинами»; сама императрица «дремала на розах, была обманываема или себя обманывала; не видела или не хотела видеть многих злоупотреблений» (1991: 43–44), хотя общая оценка ее царствования в интерпретации известного историка по-прежнему оставалась высокой.

В первой половине XIX в. о Екатерине II больше писали в эмиграции, нежели в России. Упомянем в этой связи деятельность А.И. Герцена. Он не только публиковал в Лондоне мемуары авторов последней трети XVIII – первой трети XIX в. (например, Е.Р. Дашковой), но и смог в ряде своих статей дать достаточно нелицеприятные оценки личности и политики Екатерины (1958). Вот одна из оценок А.И. Герцена: «Одержимая ненасытной нимфоманией, запятнанная всеми преступлениями, эта “Мать Отечества” дала одним своим любовникам более 300 тысяч душ мужского пола» (Крещеная собственность 1958: 38). Скепсис по отношению к деяниям Екатерины высказал и В.О. Ключевский в своем «Курсе русской истории» и в специальной статье, подготовленной в 1896 г. к столетию со дня смерти императрицы (1991). Маститый историк во многом безуспешно пытался напомнить коллегам, что политический режим Екатерины, как и сама личность императрицы, должны выступать объектом изучения, но не мишенью и не знаменем. Однако подобные мнения тонули в славословиях Екатерине, изливавшихся без меры со страниц мемуаров, массовая публикация которых

началась с 1870-х гг. Историки, скажем еще раз, часто просто воспроизводили мнения мемуаристов; свою задачу они видели в том, чтобы привлечь как можно большее количество мемуарных свидетельств. Их сочинения нередко становились своеобразными антологиями тенденциозно подобранных мнений мемуаристов. Примером такого рода работ могут служить труды М.И. Пыляева (1887, 1892). Данной историографической традиции суждена была долгая жизнь.

Наиболее авторитетными работами о временах Екатерины по праву считаются монографии А.Г. Брикнера и В.А. Бильбасова, написанные в конце XIX в. (Брикнер 1996; Бильбасов 1890–1896). Несмотря на то что сочинение В.А. Бильбасова содержало очень мягкие и взвешенные оценки, цензура уничтожила тираж второго тома, посвященного воцарению Екатерины. Историк издал работу в Берлине на немецком языке, но воздержался от намерения продолжить подготовку следующих томов. В.А. Бильбасовым задумывалось 12-томное исследование, но подготовлено к печати было лишь два тома, обрывавшиеся на 1762 г.

Этот эпизод прекрасно свидетельствует о цензурных ограничениях, с которыми сталкивались историки при изучении екатерининского царствования, – касаться бурных событий лета 1762 г. все еще было нежелательно, ибо заговор и убийство законного государя Петра Федоровича украсить Екатерину не могли, а оправдания, звучавшие в ее адрес, переставали удовлетворять не только научное сообщество, но и читающую публику. Последняя поэтому знакомилась с деятельностью Екатерины по популярным трудам европейских ученых, издававшихся на русском языке (Рамбо 1884). Качество этих публикаций не слишком высоко, но они сформировали стереотип восприятия екатерининской эпохи, господствующий до наших дней.

Таких жестких цензурных ограничений по отношению к изучению личности и эпохи Павла не было – историкам нежелательно было касаться только событий 11–12 марта 1801 г. Уже через несколько лет после гибели Павла I появились посвященные ему труды. Они вышли из-под пера верноподданнически настроенных людей, создавших идеализированный образ Павла Петровича. Научная значимость подобных сочинений ничтожна, но они заложили основы концепции официально-охранительного направления, доминировавшей в русской историографии в первой половине XIX в. (Кончина российского императора 1802; Жизнь, свойства, военные и политические деяния 1805; Жизнь Павла Первого 1805; Тыртов 1807; Похорский 1819: 152–158; Жизнь в бозепопочиющей 1829; Филипповский 1830). Восторг перед Павлом в 40-е гг. XIX в. испытывали, скажем, дворянский историк А. Вейдемейер, а также Н.А. Полевой, перешедший к тому времени на охранительные позиции (Полевой 1845; Вейдемейер 1846). В 1857 г. Д.А. Милютин выпустил обширный труд, посвященный войне 1799 г., и первым высказал

тезис о наличии у Павла своеобразной программы будущей государственной деятельности, составленной еще в Гатчине, о ее целесообразности, насущной необходимости, продуманности и даже сбалансированности (1857).

Данное направление в историографии не было единообразным. Резким диссонансом господствующим оценкам фигуры Павла стала «Записка о древней и новой России» крупнейшего дворянского историка Н.М. Карамзина. Он признавал, что по своим личным качествам Павел «мог заслужить благодарность Отечества», однако правление его было «царством ужаса» (1991: 44–47). Карамзин первым признал зло павловского царствования для России именно как результат низменных, негативных качеств личности самого монарха. Причины этого кроются в особенностях понимания историком сущности самодержавия и его роли в истории России. Н.М. Карамзин был убежденным сторонником именно такой формы государственного устройства, но ненавидел деспотизм, различая эти два понятия. Основную вину Павла I историк видел именно в компрометировании самодержавия деспотическими методами правления, а также в стремлении ограничить свободы и привилегии дворянства – верной опоры трона. Н.М. Карамзин, опередив современников, высказал положения, утвердившиеся в исторической науке более чем через полвека.

В годы первой революционной ситуации в России, когда вопрос о взаимоотношениях дворянства и императора стал в высшей степени злободневным, известный дворянский историк М.А. Корф впервые публично признал некоторые негативные качества личности Павла Петровича. Причем труд его был напечатан с высочайшего соизволения, т.е. одобрен самим Александром II (1861: 54).

Отметим, что в тот период цензурные требования в области исторических исследований ужесточились. Граница «дозволенной истории» была отодвинута назад – вплоть до конца Петровской эпохи, т.е. до 1725 г. (Сборник постановлений 1862: 453). Данное обстоятельство существенно затормозило изучение отечественной истории XVIII – первой половины XIX в., хотя и не погасило его вовсе. Дворянские историки касались личности Павла попутно, обращаясь к другим сюжетам (Григорович 1881; Знаменский 1880). Изучение Павловской эпохи облегчалось тем, что в 1870–1880-е гг. началась массовая публикация выдержек из мемуаров современников, прежде всего в журналах «Русский архив» и «Русская старина». Мемуары расширили источниковую базу изучения эпохи Павла I, но отзывы современников, скажем вновь, нередко механически переносились историками в свои сочинения, что весьма характерно, в частности, для И. Знаменского, который воспроизводил оценки мемуариста Н.А. Саблукова на протяжении всей своей книги, нимало не заботясь ни об их критическом восприятии, ни хотя

бы о ссылке на первоисточник (естественно, историк разделял уважение Н.А. Саблукова к Павлу).

Поляризация мнений в части оценок политических режимов Екатерины II и Павла I. В начале 1880-х гг. официальная историография постепенно отходит от однозначно апологетического толкования личности Павла I, оценивая ее более сдержанно. Думается, это произошло под влиянием воспоминаний современников Павловской эпохи, т.е. изменение оценок происходило в результате привлечения новых источников. Отметим, что в тот период дворянские историки не создали специальных работ, посвященных царствованию Павла. Правление сына Екатерины II рассматривалось как краткий эпизод в истории России, не имевший последствий (вполне в духе манифеста от 12 марта 1801 г.).

Иначе отнеслись к Павлу Петровичу либеральные историки, прежде всего В.О. Ключевский. В 1883–1884 гг. он прочел курс лекций по русской истории, охвативший период с древнейших времен до XIX в. включительно, в котором смог дать новую трактовку и личности Павла, и его правления. Прежде всего, В.О. Ключевский вписывал царствование Павла I в контекст русской истории. Он полагал, что деятельность Павла Петровича есть реакция на «просвещенный абсолютизм» Екатерины, в конце концов, поставивший империю в труднейшие условия. Таким образом, тезис дворянской историографии об отсутствии каких-либо традиций в павловских начинаниях был решительно отброшен. Деятельность императора Павла I, по Ключевскому, представляет, с одной стороны, протест против предыдущего царствования, а с другой – всего лишь неудачную попытку решить насущные задачи, вставшие перед Россией конца XVIII в.: при этом отрицалась какая бы то ни было программа реформ (Соч. 1989: 173–177).

Легко заметить, что оценки В.О. Ключевского качественно иные, чем у дворянских историков. Собственно, он предложил новую концепцию и эпохи Павла, и его личности. Справедливости ради отметим убийственные оценки А.И. Герценом личности Павла I (см. подробнее: Желвакова 1974: 207–223). Сообщения «Исторических сборников» позднее были опубликованы издателем Каспровичем отдельной книгой (Материалы для биографии императора Павла I. Лейпциг, 1874). Отказ от традиций охранительной историографии произошел, разумеется, не случайно. И дело тут не только в таланте исследователя. Нельзя не учитывать и социально-политические реалии России после 1 марта 1881 г., и вопиющее несоответствие мемуарных свидетельств современников павловского правления построениям и выводам официальных историков, и продолжавшуюся публикацию мемуаров, которые В.О. Ключевский использовал как вспомогательный источник для характеристики Павла, и т.д.

Позднее В.О. Ключевский существенно изменил свои взгляды на эпоху Павла I и его личность. В конспекте «Новейшая история Запад-

ной Европы в связи с историей России» историк уже иначе трактует значение царствования Павла, понимая его как «самый блестящий выход России на европейской сцене и самый важный закон внутреннего порядка»; изменилось отношение Ключевского и к самому Павлу – историк готов понять и извинить слабости его характера, обвиняя в этом обстановку и дурное к нему отношение (Ключевский 1983: 198–291). Оценки В.О. Ключевским личности и царствования Павла I оказали огромное влияние на развитие историографии проблемы. Так, Д.А. Кобеков в известном труде «Цесаревич Павел Петрович» (первая монография, посвященная непосредственно личности Павла, его детским и юношеским годам) повторил вывод Ключевского о безусловном ухудшении характера великого князя под воздействием французской революции и казни Людовика XVI, вследствие холодности со стороны Екатерины II и неуважения к наследнику ее фаворитов, а также из-за отсутствия верных друзей (1887: 405–406). Приводя массу новых фактов, почерпнутых из мемуаров, Д.Ф. Кобеко в целом стоит на позициях В.О. Ключевского, хотя и относится к Павлу Петровичу до его восшествия на престол с нескрываемой симпатией.

В 1901 г. исполнилось сто лет со дня гибели Павла I. Естественно, официальные историки не могли пройти мимо этого события. Фундаментальный по объему труд издал Н.К. Шильдер (1901). Он привлек для написания своего сочинения новые источники: переписку и именные указы Павла Петровича, мемуары современников, их письма и др. Н.К. Шильдер ввел в научный оборот массу новых, неизвестных ранее фактов из жизни императора и, тем не менее, не смог дать ничего нового в оценке деятельности Павла I, эпигонски воспроизводя положения В.О. Ключевского.

К прямо противоположным выводам пришел харьковский историк П.Н. Буцинский в своей известной брошюре (1901). Перед нами не что иное, как компиляция тенденциозно подобранных мемуаров современников, чьи свидетельства должны подкрепить положения Буцинского о тонкой, чувственной и страдающей натуре «царя-демократа», который в одинаковой мере заботится о благе всех подданных, и даже более о народе, чем о дворянстве. Подобная точка зрения, высказанная в начале XX в. да еще одновременно с авторитетным исследователем Н.К. Шильдером, выглядела явным анахронизмом и шокировала научную общественность, а читающая публика восприняла ее как очередную забавную байку о Павле I. В литературе начала нынешнего века прочно утверждались негативные оценки личности Павла Петровича (Панчулидзев 1901; Каратов 1902; Платонов 1903 и др.). Речь теперь могла идти лишь об очень скудной палитре красок историков при изображении Павла, спектр которых колеблется от черного до серого. Сусальному золоту П.Н. Буцинского места уже не оставалось, книжка его забылась быстро.

Первая русская революция смела цензурные ограничения и одновременно перенесла вопросы об исторической судьбе российской монархии и о неприкосновенности личности монарха из области теории в область практики. Аналогии с началом XIX в. напрашивались сами собой. Этим и объясняется невиданный ранее интерес к царствованию Павла I, настоящий историографический прорыв в исследованиях о нем. Причем во главу угла был поставлен вопрос о личных качествах государя и прежде всего о его дееспособности. Профессор психологии П.И. Ковалевский, сочинявший еще и историко-биографические очерки, заявил о безусловном сумасшествии Павла I (1906). Другой профессор психологии, В.Ф. Чиж, столь же авторитетно заявил об абсолютной нормальности императора в психическом плане, но считал Павла Петровича политическим безумцем (1907). Вопрос остался открытым, и тезис о душевной болезни Павла психологами (как, впрочем, и историками) доказан не был.

Историк С.А. Корф, в целом стоявший на либеральных позициях, в своем обширном труде усматривал прямую зависимость положения дворянства в империи от убеждений, идеалов и мирозерцания отдельных императоров. Попытки Павла I «ущемить» права и привилегии дворян привели его к гибели, которую С.А. Корф благословляет, как бы предлагая здравствующему монарху сделать соответствующие выводы, – своеобразное «назидание царям» (1906).

В публикациях официальных историков в годы революции и сразу же после нее к Павлу Петровичу отношение иное – более мягкое, сдержанное. Примером могут служить работы Е.С. Шумигорского и Н.Н. Назаревского (Шумигорский 1907; Назаревский 1910). Они снимают персональную вину с Павла и возлагают ее либо на «ненормальные явления того времени», либо на воспитание юного цесаревича и прочее, непоправимо отразившиеся на личности монарха. Е.С. Шумигорский вслед за Д.Ф. Кобеко противопоставляет личные качества великого князя и императора, предполагая их безусловное ухудшение и обосновывая тезис о «глубоко несчастном человеке» Павле Петровиче.

Иную позицию в эти годы заняли либеральные историки. Всячески подчеркивая безумие Павла, оправдывая заговор против него, они объясняли факт цареубийства отсутствием законов, позволявших низложить душевнобольного государя. Тем самым обосновывалась необходимость конституции, которая одна могла бы гарантировать свободу личности от самодержавного произвола. Либеральные историки подхватили положения официальной историографии начала века и попытались развить их. Наиболее интересны в этом плане работы В.И. Семевского. Он неоднократно обращался к эпохе Павла, но свое отношение к его личности полнее всего выразил в статье, открывающей книгу А. Брикнера (1907: 1–11). Монография профессора Дерптского универ-

ситета А.Г. Брикнера впервые увидела свет еще в 1897 г. (на немецком языке), но издана в России лишь в 1907 г. С крайней антипатией относясь к «злополучному четырехлетнему царствованию этого деспота», историк подводил читателя к выводу: во всех бедах России, в заговоре и цареубийстве виноваты сам Павел, его окружение, его деспотические методы управления, разрыв союза с дворянством, но только не самодержавие как таковое. В условиях революции такой вывод вполне устраивал власть имущих. Работа Брикнера тиражировалась в массовых изданиях, например в бесплатном приложении к журналу «Родная речь», в дешевой «Исторической библиотеке» (книжка стоила 10 коп., в то время как издание 1907 г. – порядка 2 руб.) (См. подробнее: Цареубийство, или История смерти 1910; Смерть Павла I 1912). Считая Павла невменяемым, Семевский отмечал его страсть к муштре, склонность поддерживать дисциплину в войсках жестокими наказаниями и пр. В конце статьи Семевского читатель не может не заметить аналогии (разумеется, не высказанной прямо) между судьбами и личностями Павла I и Николая II (обратим внимание, что публикация относится к 1907 г.).

В последующее время, в период третьей ионьской монархии, историография проблемы переживает своеобразный период, когда авторы как бы колеблются между выводами либеральной и официальной историографии, пытаясь вычленив нечто общее в той и другой. Так, в 1913 г. к трехсотлетию дома Романовых вышли роскошно изданные юбилейные издания (Три века 1913; Государи из дома Романовых 1913). Среди авторов маститые историки – М.К. Любавский, К.В. Сивков, Д.В. Успенский, В.И. Пичета, Н.Д. Чечулин. На фоне старательно облагороженной истории Романовых Павел Петрович выглядит изгоем, он не похож ни на мать, ни на своих сыновей. Авторы, впрочем, готовы извинить политику Павла и его не слишком привлекательные личные качества обстоятельствами его жизни, в конце концов, душевной болезнью.

Куда более резко о Павле I высказался польский историк К.Ф. Валишевский: чуть ли не единственная привлекательная черта у Павла, по его мнению, заключается в том, что он «сын великой Екатерины» (1914).

Официальная историография, таким образом, на протяжении XIX – начала XX в. претерпела серьезные изменения в своих оценках: начав с восторгов по поводу Павла (поскольку он все-таки был российским императором), она к концу XIX в. оценивает его личность более трезво, затем дает однозначно отрицательные характеристики (Н.К. Шильдер), а в годы первой русской революции вновь пытается вернуться к апологетическим оценкам (Е.С. Шумигорский).

Либеральная историография в целом, начав с утверждения о сумасшествии Павла и с нигилистических оценок его личности (В.О. Ключ-

чевский), дает ему затем все более и более резкие характеристики, пик которых приходится на годы Первой русской революции (В.И. Семевский). В годы Первой мировой войны, начавшегося революционного кризиса в России либералы пересмотрели свои положения, кардинально изменив оценки личности Павла I. М.В. Ключков обосновывал тезис о надклассовости политики Павла. Сам же государь – человек вполне умный, с огневой натурой, с высокими и разумно обоснованными принципами. Историк с сочувствием относится к желанию Синода и двора канонизировать Павла Петровича, причислить его к сонму русских святых как раз накануне Февральской революции (1916: 135).

Итак, в годы Первой мировой войны позиции либеральной и официальной историографии сблизились. В труде либерального историка М.В. Ключкова воспроизведена в девственной чистоте официально-охранительная концепция тех лет. Так, накануне Февральской революции в России два направления в развитии русской исторической мысли пришли к единой позиции по вопросу о личности императора Павла I и его эпохе.

Итоги развития дореволюционной историографии проблемы. Несмотря на чрезвычайно разнообразные оценки политического режима Павла I, дававшиеся историками на протяжении XIX – начала XX в., все они сходятся в понимании политики Павла как «отрицания» политической системы Екатерины II. Наличие реформ, существенных перемен – вот тот общий знаменатель, к которому мы можем свести характеристики Павловской эпохи в дореволюционной литературе. По мнению советского исследователя С.Б. Окуня, историки расходились лишь в объяснении мотивов этих перемен. Для одних – это результат низменных качеств личности Павла I или даже его душевной болезни, стимулированных холодностью матери и надменностью ее фаворитов; для других – осознанная борьба с правами и привилегиями дворянства и закрепившими их екатерининскими законодательными актами (1974).

Дореволюционная русская историография имеет и другие общие черты. Основным источником для историков при характеристике личности Екатерины II и Павла I служили мемуары современников Павловской эпохи. Серьезная критика мемуарных источников отсутствовала. Это приводило к тому, что тенденциозность исследователя как бы накладывалась на тенденциозность мемуариста. Односторонним был подбор мемуарной литературы, и в рамках одной работы весь известный тогда комплекс воспоминаний никогда не использовался. Более того, историк, негативно относящийся к Екатерине или Павлу, брал из мемуаров аналогичные оценки, иные же нередко просто отбрасывал, и наоборот.

Авторы пытались связать личности императоров с политикой, проводимой его правительством, и даже рассматривали личность государя

как решающий фактор, объясняющий любые повороты внешней политики России или внутривластного курса ее правительства. К примеру, отрицая для России значимость реформаторской деятельности Павла (т.е. будучи адептами Екатерины), историки отрицали и положительные качества его натуры. Как правило, историки не искали оттенков, нюансов, стремились все оценить однозначно – либо только со знаком «плюс», либо исключительно со знаком «минус».

В общих же трудах по истории России, а равно и в лекционных курсах, Павлу и его царствованию уделялось неоправданно мало внимания. Фактически правление этого императора рассматривалось как досадный эпизод, как своеобразная историческая случайность, не имевшая последствий. Тем самым отрицались своевременность и значимость павловских реформ, обоснованность попыток Павла I разрешить наиболее актуальные задачи, стоявшие перед Российской империей. И, наконец, не имея возможности объяснить всю сложную диалектику взаимоотношений императора и дворянства, дореволюционная историография прибегла к испытанному средству – объявила Павла безумцем.

Современный исследователь И.А. Желвакова, не ставя перед собой задачу дать периодизацию русской историографии в плане отношения к заговору 11 марта 1801 г. (и шире – к политическому режиму Павла I), тем не менее выделяет два пика, два своеобразных рубежа в ее развитии. Первый связывается с изданием «Исторических сборников Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева», другой – с периодом Первой русской революции (1974: 208–209). Мы согласны с утверждением о важности событий 1905–1907 гг., заставивших историков обратить внимание на эпоху Павла и просто-напросто дававших им такую возможность. Но вряд ли правомерно начинать с публикаторской деятельности А.И. Герцена и Н.П. Огарева новый этап в развитии историографии вопроса. Вероятно, есть смысл, учитывая незначительное количество работ о политических режимах Екатерины и Павла, вообще отказаться от попыток дать периодизацию в развитии исторических исследований по нашему сюжету. Это справедливо также по отношению к марксистской историографии.

Советская историческая наука 1920-х – начала 1960-х гг. об эпохах Екатерины и Павла: от единства мнений к пестроте оценок. Осмыслить историю павловского царствования и личность Павла I с марксистских позиций впервые попытался М.Н. Покровский в ряде своих работ (Русская история с древнейших времен 1965; Русская история в самом сжатом очерке 1965). Никогда ранее историки, писавшие или читавшие курс русской истории, не уделяли столько внимания павловскому царствованию. М.Н. Покровский трактует его не как своеобразный «вывих» русской истории, некий переход от эпохи Екатерины к

эпохе Александра I, а как явление, имевшее самостоятельную ценность. Он настаивает на закономерности попыток русского абсолютизма в условиях начавшегося разложения крепостнического хозяйства и войн с буржуазной Францией изменить методы внутренней и внешней политики в сторону ужесточения. Политика Павла I, таким образом, преследовала те же цели, что и политика его матери, его сыновей, и в этом смысле «оригинального мало было в Павловском царствовании» (Русская история в самом сжатом очерке: 160). Историк постоянно подчеркивает «наследственность... социальную, от Потемкина и Зубова» (Русская история с древнейших времен: 168). Если В.О. Ключевский сумел вписать эпоху Павла в русскую историю, то его ученик первым доказал преемственность политики Павла Петровича, а также огромное влияние его личности и его акций на сыновей, Александра и Николая. Не случайно император Николай Павлович (родившийся в 1796 г.) боготворил отца и недолюбливал бабуку, Екатерину II. М.Н. Покровский настаивает на насущной необходимости (а стало быть, закономерности) для российского абсолютизма в конце XVIII в. править методами «железной лозы».

Понимание М.Н. Покровским царствования Павла и самой его личности далеко не сразу получило признание в советской литературе. Подтверждением может служить книга известного писателя и публициста И.М. Василевского (Не-Буквы 1923). Задавшись целью дискредитировать в глазах читателя самодержавие через дискредитацию всех Романовых, доказать их личное убожество и зло, всегда приносимые династией стране, автор, ничтоже сумняшеся, создал компиляцию из работ дореволюционных историков, прежде всего В.О. Ключевского, к которому, отметим, он относился с большим уважением. Естественно, И.М. Василевский отбирал лишь те страницы, где Романовым давалась негативная оценка. Все сказанное полностью применимо и к личности Павла I.

Такая тенденциозность, не имеющая ничего общего с наукой, имела место в советской историографии нашей проблемы в 1920–1940-х гг. Оговоримся, что в это время эпоха Екатерины изучалась сквозь призму пугачевщины; естественно, что оценки деятельности императрицы, как правило, однозначно негативны. Работы, посвященные личности или хотя бы временам Павла I, в указанное время также редки. Советская историческая наука разрабатывала прежде всего другие проблемы. Правда, разбирая те или иные сюжеты, советские историки касались все-таки и личности Павла I. И. Троцкий считал Павла Петровича сумасшедшим, признавал жестокости его полицейского режима, но подчеркивал, что «капризы Павла для всей массы населения были вовсе не так тягостны, как более осмысленная политика его матери и сына» (1931). Историк М. Брюллова-Шаскольская, издавшая свою работу в серии

«Дешевая историко-революционная библиотека», отзывалась о Павле и его сословной политике уничижительно, явно переоценивая размах крестьянского движения в конце XVIII в. (1932). А. Преснов в двух статьях отмечал стремление Павла Петровича действовать наперекор матери; единственное, что их объединяло, пишет он, это ненависть к французской революции (1937, 1938). В целом же в 1920–1940-е гг. советские историки не смогли предложить собственного понимания деятельности Екатерины II и Павла I, пользуясь сложившимися еще до революции стереотипами. Примером может служить изданное в 1946 г. учебное пособие В.И. Самойлова, содержащее грубые фактические ошибки и ряд ничем не подкрепленных, бездоказательных суждений (1946). По счастью, эта публикация не сказалась заметно на последующих работах отечественных историков.

В 1950 – начале 1960-х гг. историографическое осмысление нашей проблемы, несмотря на кардинальные подвижки в развитии советской исторической науки, не изменилось сколько-нибудь заметно. Реформаторская деятельность Екатерины не привлекала внимания историков, публикаций об эпохе Павла по-прежнему немного. Т.Г. Снытко утверждал, что реакционная политика Павла, особенно в армии, привела к созданию тайной офицерской организации – «канальского цеха», которую автор считает проявлением общественного, чуть ли не освободительного, движения в России (1952: 111–122). Сквозь призму общественно-политической истории пытался понять деятельность Павла I А.В. Предтеченский (1957). Историк признает влияние личности государя «на ход исторического процесса» в целом. По его мнению, личная трагедия Павла заключалась в противоречиях его натуры: ненавидя мать, он хотел все изменить, но как монарх не должен был ничего менять (аргументы в пользу этого утверждения автор опускает). Предтеченский признает наличие у Павла продуманной программы, связывая ее с «Рассуждением о государстве вообще», но, продолжает он, реализовать свою программу Павел I не сумел в силу «строптивости и незадачливости». Основной мотив царствования Павла Петровича, по мнению Л.Г. Бескровного, «контрреформы», желание поступить вопреки стремлениям матери; при этом военный историк подчеркнуто негативно относится к преобразованиям Павла, прежде всего в армии (1958). А.М. Станиславская, считая Павла душевнобольным, не всегда находит у него стремление во всем поступать вопреки матери (1962).

Обратимся теперь к изданиям, которые не должны по сути своей обходить молчанием политический режим Павла I. Имеются в виду учебники и справочная литература. В учебниках по истории СССР для высшей школы, издававшихся в 1960–1970-х гг. (среди авторов видные советские историки М.Т. Белявский, А.В. Фадеев, В.В. Мавродин и др.) (История СССР 1964; История СССР с древнейших времен до конца

XVIII в. 1975; Краткая история СССР 1978; История СССР 1979 и др.), отмечаются беспощадные репрессии и жестокости павловского режима, носившего «даже характер деспотии»; признается сопротивление Павла I реформам Екатерины II, но лишь в частности; в целом же, согласно учебникам, Павел продолжил политику матери. Дается, таким образом, самая общая оценка правления Павла I. В Большой советской энциклопедии и в Советской исторической энциклопедии статьи о Павле принадлежат перу А.Н. Цамутали. Автор пишет о мелкой придирчивости Павла, усугублявшейся психической неуравновешенностью и самодурством. Аналогичную трактовку содержит четвертый том академического издания «История СССР» (История СССР с древнейших времен до наших дней 1967). Отметим почти стопроцентную схожесть оценок личности Павла в советских словарях и энциклопедиях и в аналогичных дореволюционных изданиях. В 1950–1960-х гг. по-прежнему обходилась вниманием эпоха Павла Петровича в учебных курсах (Фадеев 1960: 28).

С середины 1960-х гг. постепенно усиливается внимание историков к царствованию Екатерины II, в то время как изучение политического режима Павла I оставалось фрагментарным. Специальные исследования личности и политической системы Павла I стали появляться лишь в конце 1980–1990-х гг. (Сорокин 1989: 46–59; 1994, 1996 и др.). Изучение деятельности Екатерины II предпринималось исследователями сквозь призму изучения «просвещенного абсолютизма». Сам термин был введен в научный оборот немецкими историками в середине XIX в. и с тех пор получил, с незначительными модификациями (в англо-французской историографии принято использовать термин «просвещенный деспотизм» или, реже, «легальный деспотизм»), широкое распространение (История Европы с древнейших времен до наших дней 1994: 352). Советские исследователи охотно соглашались с наличием такого явления не только в европейской, но и в отечественной истории, широко оперировали самим термином, постоянно цитируя известное суждение В.И. Ленина об эволюции русского государства на протяжении XVII–XVIII вв. в направлении буржуазной монархии с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма». Но когда речь заходила о самой дефиниции, критериях, хронологических рамках, характерных чертах или социальной сущности политического режима Екатерины II, почти всеми понимаемого как «просвещенный абсолютизм», единство исчезало. В конкретно-исторических исследованиях царит удивительная пестрота подходов, когда речь заходит об имманентно присущих «просвещенному абсолютизму» признаках.

Проблемы «просвещенного абсолютизма» в советской исторической науке 1960–1980-х гг.: полемика вокруг природы и сущности екатерининского режима. Попробуем суммировать основные положения,

высказанные в отечественной историографии 1960–1990-х гг., поскольку именно в это время началось специальное изучение «просвещенного абсолютизма» в России, при этом положения и выводы дореволюционных исследователей, прежде всего Н.А. Кареева и М.М. Ковалевского, широко использовались советскими авторами. Так, А.Б. Каменский полагал, что лучшее толкование термина «просвещенный абсолютизм» предложил именно Н.А. Кареев (1992: 351). Последний, как известно, суть просвещенного абсолютизма усматривал в союзе абсолютистского государства с рационалистическим просвещением, имевшем и известные преобразовательные цели (1913: 290–291). И еще: для советских ученых этой поры весьма характерно стремление фактически ставить знак равенства между понятиями «просвещенный абсолютизм» и «политический режим Екатерины II», во всяком случае, именно Екатерину Алексеевну считали крупнейшим представителем просвещенного абсолютизма в России.

Можно выделить несколько подходов к определению политического режима Екатерины II или, иначе, к решению проблемы сущности «просвещенного абсолютизма», имевшихся в литературе. Часть историков принципиально отрицала возможность выделения некоего этапа в истории абсолютизма, который можно было бы обозначить как «просвещенный абсолютизм». По их мнению, в царствование Екатерины II существовала та же форма государственного устройства, что и при Петре I, т.е. абсолютная монархия. Не изменилась сколько-нибудь заметно и основная направленность внутренней политики – она оставалась продворянской, типично крепостнической. Однако правительство попыталось использовать новое идеологическое обоснование для проведения вполне традиционной для русского царизма политики. Камуфлируя свои истинные цели – укрепление режима неограниченной власти российского монарха в новых исторических условиях, – власть имущие в России вынуждены были заниматься демагогией, спекулировать на красивых фразах из работ французских авторов, маскируя ими растущий феодально-крепостнический гнет. Никаких реальных изменений в российской действительности ни в социально-экономической, ни в социально-политической сферах фактически не произошло.

Эту точку зрения в своих работах наиболее последовательно защищали Г.А. Новицкий, П.К. Иванов, М.Т. Белявский, Г.П. Макогоненко, С.Б. Окунь и некоторые другие авторы (Новицкий 1945; Иванов 1950; Макогоненко 1956; Белявский 1965; 1985; Окунь 1973; 1974). Они полагали, что неотъемлемой составной частью политики «просвещенного абсолютизма» (а вовсе не его сущностью, как почему-то интерпретируют их взгляды в некоторых публикациях) является социальная демагогия с использованием терминов и понятий европейского просвещения, а сама политика имеет целью «укрепить самодержавно-

крепостнический строй, ослабить остроту классовых и социальных противоречий и назревшую в стране крестьянскую войну» (Белявский 1965: 37), а С.Б. Окунь, кроме того, заметил, что «просвещенный абсолютизм» в России «являлся политикой противопоставления власти абсолютного монарха притязаниям аристократической конституции», имел своей целью «ликвидировать сановную фронду» (Окунь 1973: 114). При этом Екатерина II смогла опереться на широкие круги русского провинциального дворянства, бюрократию и армию, проводя последовательную политику удовлетворения дворянских сословных интересов, не останавливаясь и перед ущемлением отдельных непринципиальных интересов российского благородного сословия. «Правительство Екатерины II, охраняя с помощью лжи, демагогии, а также жесточайших расправ над трудящимися “имения и правости” господствующего класса, предостерегало господствующий класс от опасностей, грозящих всему существующему социально-экономическому и политическому строю. Правительство... делало попытки ограничить произвол помещика по отношению к крестьянину, используя для этого лишь печать, публичные выступления государыни и вельмож и некоторые рекомендации, предлагаемые нормами закона», – писал П.К. Иванов (1950: 99).

Историки, отнесенные к этому направлению, неустанно подчеркивали принципиальное различие между ширококвещательными заявлениями правительства Екатерины II и его практическими действиями, между часто талантливо составленными прожектами и реализацией их на практике. Наконец, они склонны объяснять политику «просвещенного абсолютизма» или, по крайней мере, особенности ее проведения в России некоторыми личными качествами императрицы Екатерины II, вовсе не обязательно высокими.

М.Т. Белявский, кроме того, высказал весьма любопытную идею: для российских подданных Екатерина II выступала грозной самодержицей, карающей и милующей; для своих западных корреспондентов она смогла стать просвещенной монархиней, сочувствующей свободам и покровительствующей просвещению, наукам и культуре. Государыня эти две свои ипостаси никогда не смешивала. Полемизируя с Дидро, Екатерина Алексеевна прямо заявляла: «...из всех ваших великих принципов... можно составить прекрасные книги, но не управлять государством... вы трудитесь только над бумагой... между тем как я, бедная императрица, работаю на человеческой шкуре» (Сочинения Екатерины II 1990: 205). Эта работа «на человеческой шкуре» особенно выразительна по отношению к тем русским дворянам, которые смогли самостоятельно усвоить высокие идеалы французского просвещения и руководствоваться ими в своей жизни и деятельности, – А.Н. Радищеву, Н.И. Новикову и многим другим. К просвещенным монархам упомянутые историки относили также Александра I. Наконец, С.Б. Окунь весь-

ма тонко подметил ту необыкновенную легкость, с которой в царствование Екатерины и Александра происходил отказ от внешнего либерализма при самом незначительном изменении ситуации как внутри страны, так и на международной арене.

Ряд советских авторов – среди них Н.Я. Эйдельман, В.Г. Сироткин, М.М. Сафонов, В.В. Рогинский, И.А. Булыгин и некоторые другие – развивают взгляды на «просвещенный абсолютизм» как на политику «европеизации» (вариант: «частичной модернизации») России посредством реформ сверху при сохранении традиционных основ самодержавия (Эйдельман 1973; 1986; Мгновенье славы настает... 1989; Революция сверху в России 1989; Сироткин 1985; 1990; Сафонов 1980; 1988; Рогинский 1994; Булыгин 1994). Они признают, что Россия – страна так называемого второго эшелона развития капитализма – обладает рядом характерных черт: относительная небуржуазность, недостаточно развитые правовые нормы, огромная роль государства в экономической жизни страны и т.д. Отсюда, по мысли этих авторов, можно сделать вывод об особой роли верховной власти в России и самой личности абсолютного монарха. От личных качеств государя (к примеру, от его политического реализма, перспективного видения основных исторических процессов, протекавших в империи, способностей, идеалов, привычек, от того, кому он поручал важнейшие дела, и пр.) в немалой степени зависел вопрос о ведущих направлениях внутренней и внешней политики.

Н.Я. Эйдельман также полагал, что в России много значило так называемое активное меньшинство, к которому историк относил средоточие власти – Петербург (петербургское дворянство? двор и свет? гвардию? – историк не уточняет) и примерно один процент населения страны, приближенный к Петербургу географически, экономически и социально. Именно среди них Н.Я. Эйдельман находит людей, близких просвещению и чести, – интеллигенцию. От того, какие отношения складываются между верховной властью и «мыслящим меньшинством» – поддерживают они друг друга или противостоят, зависит очень многое, особенно при попытках европеизации России, на которую страна была «обречена» всем ходом исторического развития.

Вариант просвещенного абсолютизма, по мысли Н.Я. Эйдельмана, как раз и предполагает тот случай, «когда верховная власть делала упор на “людей чести”, дворянскую интеллигенцию, народу же предписывалось исключительно исполнение и подчинение». Ему противопоставляется другой вариант – непросвещенного абсолютизма, когда император, подобно Павлу I, в определенной степени расходится с активным дворянством, желает ослабить его претензии, усиливает идеологическую ориентацию на «народность», имеет место надежда властей на негра-

мотные миллионы, верящие своим царям в отличие от «много рассуждающих умников» (Революция сверху... 1989: 66).

Указанные историки хронологические рамки просвещенного абсолютизма определяют от преобразований Петра I до 20-х гг. XIX в., но сам период, по их мнению, весьма неоднороден: просвещенный и непросвещенный абсолютизм как бы чередуются, последовательно сменяя друг друга. Более того, один и тот же государь, например Екатерина II, может издавать законы «европейские» и «азиатские», т.е. в деятельности одного монарха просвещение и непросвещение могут сочетаться. «Движение к просвещению через усиливающееся рабство – один из парадоксов России того времени», – полагал Н.Я. Эйдельман (1986: 14). Сама Екатерина Алексеевна, по их версии, реально сознавала, что в России, в силу ее отставания от Европы, не скоро еще появятся такие опасные «спутники прогресса», как стремление к вольности, ненависть к деспотизму и пр., а «прирученные идеи» могут быть использованы для укрепления самодержавия.

Итак, политика просвещенного абсолютизма трактуется уже не как демагогия, уступка духу времени, не как камуфляж феодально-крепостнической сути, но как естественный результат пересечения европейского просвещения и российской цивилизации, смысл которого и состоит в подготовке и проведении реформ, направленных на европеизацию России, развитие образования, формирование дворянской интеллигенции, зарождение правосознания, прогресс культуры и т.д. В.В. Рогинский подметил также, как легко феодальные монархи Европы адаптировали принципиальные положения европейского рационализма применительно к собственным целям. Например, если у французских просветителей «просвещенный монарх» в конечном счете должен был построить царство разума, т.е. буржуазное государство, то сами «просвещенные монархи», несмотря на всю их просветительскую фразеологию, имели целью «укрепление существующего строя, сохранение господства феодального класса, усиление абсолютистского государства, его финансовой и экономической мощи» (Рогинский: 354).

На основе великих идей Просвещения сформировались весьма пестрые конституционалистские теории, ставшие результатом творческих исканий наиболее образованной части феодального общества. И просвещенные монархи, и носители конституционных идей говорили на одном языке, но цели имели различные: «философы на троне» стремились укрепить свою неограниченную власть, в то время как представители просвещенного дворянства настаивали на модернизации старого феодального сословного строя, предлагая аристократические конституции, проекты которых сочинялись во множестве. Именно поэтому аристократия пребывала в известной оппозиции просвещенным монархам даже в тех случаях, когда монархи пытались на нее опереться. Основой

для политики «просвещенного абсолютизма» историки этой группы считают развитие капиталистических начал, ее крах Н.Я. Эйдельман объяснял известной неподготовленностью России к реформам, а М.М. Сафонов – классовыми инстинктами дворянства, не желавшего никаких реформ в период относительной стабильности.

Легко заметить, что отличие во мнениях между двумя упомянутыми направлениями основаны на нюансах, по-разному расставленных акцентах; принципиальных различий в их взглядах нет, что не исключает, разумеется, полемики и дискуссии между ними. К примеру, еще А.Я. Аврех обратил внимание на то, что «целый исторический период объяснить демагогией... нельзя просто потому, что всякая демагогия есть вещь строго обусловленная. Иначе говоря, “чистой демагогии” в истории вообще не бывает, она существует лишь как спутник реальной политики» (1968: 46).

Наконец, мы вправе выделить еще одно направление в историографии 1960–1990-х гг., представители которого попытались отказаться от противопоставления социальной демагогии и реальной политики в рамках «просвещенного абсолютизма». Среди них назовем Н.М. Дружинина, И.А. Федосова, А.Б. Каменского, С.О. Шмидта, О.А. Омельченко и других (Дружинин 1964; Федосов 1970; Каменский 1970, 1997; Шмидт 1987; Омельченко 1977, 1983, 1986). Политика просвещенного абсолютизма, по их мнению, выразилась в проведении ряда реформ, направленных на ликвидацию наиболее архаичных институтов феодализма (в чем состоят эти институты и как именно они были ликвидированы, историки предпочитают не уточнять) и делавших известный шаг в сторону буржуазного развития. Сами реформы носят вынужденный характер, проводить их правительству приходится в силу объективного развития России. Имеются в виду прежде всего изменения в социально-экономической сфере и известное влияние века Просвещения. Но противоречия, изначально заложенные в «союзе монархов и философов», привели к двойственности и непоследовательности политики просвещенного абсолютизма. Любая из реформ проводилась до тех пор, пока не касалась основ существующего строя.

И.А. Федосов готов признать относительную прогрессивность политики «просвещенного абсолютизма» в рамках феодальной монархии, но он решительно восстает против положения о капиталистическом прогрессе при просвещенных монархах, довольно резко критикуя вывод Н.М. Дружинина. В свою очередь, Н.М. Дружинин настаивал на закономерности просвещенного абсолютизма в России не только потому, что это общеевропейское явление, но и находя для него прочную социально-экономическую основу – формирующийся капиталистический уклад. Стратегическая цель всей политики просвещенного абсолютизма, по его мнению, состоит в гибком и постоянном приспособле-

нии, преимущественно мирными средствами, существующего порядка к новым (капиталистическим) социально-экономическим отношениям. И.А. Федосов и А.Б. Каменский уже не настаивали на ярко выраженных буржуазных тенденциях политики просвещенного абсолютизма, но признавали, что развитие капиталистического уклада породило целый комплекс важных проблем, требующих незамедлительного разрешения. А.Б. Каменский, похоже, вообще полагал, что Екатерина II проводила чуть ли не единственно возможную (по крайней мере, оптимальную) правительственную политику в тех условиях и могла находить дельные решения давно назревшим проблемам. При этом в деятельности Екатерины Алексеевны он подчеркивает децентрализаторские тенденции, увязывая их с жалованной грамотой дворянству 1785 г. И.А. Федосов полагал даже, что Екатерина II привнесла своей деятельностью много принципиально нового, особенно в экономической политике (принцип свободы торговой и промышленной деятельности торжественно декларировался, ликвидировались некоторые торгово-промышленные монополии, учреждалось Вольное экономическое общество и пр.), хотя и предостерегал, что «не стоит преувеличивать буржуазность этой политики».

По мнению этих историков, прежде всего И.А. Федосова, «просвещенный абсолютизм» – «не направление в политике... а особые периоды в истории абсолютистских государств, имеющие свои специфические черты» (1970: 34). Факторы, определившие наличие «просвещенного абсолютизма» в России, сводятся у И.А. Федосова, во-первых, к неустойчивости власти после эпохи дворцовых переворотов, отсутствию четкой системы государственных органов, действовавших на основании непреложных законов, во-вторых, к наличию массового крестьянского движения в стране и принципиальной неспособности власти на местах справиться с ним. При этом классовые противоречия между крестьянами и феодалами не несли угрозы самому факту существования абсолютной монархии, но приводили к консолидации вокруг престола господствующего в обществе слоя (38–39).

По мнению С.О. Шмидта и И.А. Федосова, «просвещенный абсолютизм» в России начался с Петра I и в Екатерининскую эпоху мы наблюдаем лишь развитие петровских начал даже без привнесения в них качественно новых черт, а в эпоху Александра I, с 1801 по 1815 г., имел место второй период существования «просвещенного абсолютизма». С этим утверждением решительно не согласен Н.М. Дружинин, заметивший, что в этот период «самодержавие пыталось создать новую форму монархии, юридически ограничивающую абсолютизм, но фактически сохраняющую единоличную власть государя» (1964: 457). Весьма характерно, что С.О. Шмидт находил элементы «просвещенного абсолютизма» не только в политике Петра I и Елизаветы Петровны,

но и Петра III, более того, он полагал, что в Петре Федоровиче типичные черты «просвещенного абсолютизма» «обнаружились наиболее эффективно» (1987: 57). Таким образом, упомянутые историки отказались от попыток персонифицировать «просвещенный абсолютизм», понимали его как веление времени, и любой государь на российском престоле в этот период должен был быть просвещенным монархом. Исключение делалось лишь для Павла I.

Наконец, И.А. Федосов предложил определение просвещенного абсолютизма. По его мнению, просвещенный абсолютизм есть абсолютизм, реформирующий органы власти, сохранивший возможности для внутреннего развития. Политика просвещенного абсолютизма могла проводиться в тех странах и на том уровне развития, где и когда развитие буржуазных отношений еще не выходило за рамки феодальной системы, а классовая борьба не грозила существующему общественному строю (1970: 55). Это определение стало чуть ли не общепринятым, утвердившись не только в научной, но и в учебной литературе.

Однако если принять определение И.А. Федосова, тогда к режимам просвещенного абсолютизма должны быть отнесены все монархии и во всех странах, существовавшие в переходные от феодализма к капитализму периоды, в том числе Россия времен царствования Павла I, Николая I и Александра II, сделавших для реформ органов власти не менее Екатерины II и Александра I. Впрочем, сам И.А. Федосов термин «просвещенный абсолютизм» считает условным, так как просвещение, просветительство, не были ни главными, ни определяющими в его политике. Еще дальше идет А.Б. Каменский, заметивший, что «просвещенный абсолютизм» – выражение слишком неопределенное, чтобы с его помощью описывать политическую систему (1992: 352). Разумеется, мы отдаем себе отчет, что отнесли к одной группе весьма различающихся по своим взглядам авторов, нередко весьма резко полемизирующих друг с другом. Так, И.А. Федосов критиковал не только выводы П.К. Иванова, но и в большей степени взгляды Н.М. Дружинина.

Итоги развития советской историографии проблемы. Таким образом, историки так и не смогли договориться о том, что они имеют в виду, когда пишут о «просвещенном абсолютизме»: некий период, своеобразный этап в развитии абсолютной монархии, заметно отличающийся от предшествующих и последующих этапов (под таковыми понимают чаще всего «непросвещенный абсолютизм» Павла I), или же внутреннюю политику, которую проводили абсолютные монархи с вполне определенными целями в исторически-конкретных условиях.

Критерии выделения «просвещенного абсолютизма» в силу неоднозначного толкования самого термина, казалось бы, должны различаться. Однако в действительности этого не произошло. Все советские историки единодушно используют следующие признаки для определения

«просвещенного абсолютизма»: применение идей рационализма и просвещения в качестве идеологической базы. Иногда эта мысль уточняется в том плане, что идеологической основой для становления абсолютных монархий в Европе явились прежде всего разработки английских и немецких просветителей, а идеологической основой для «просвещенного абсолютизма» послужили труды французских авторов – Монтескье и особенно Вольтера; активная законодательная и законотворческая деятельность, понимаемая едва ли не как основная задача государственной власти, – важнейший фактор прогресса общества, основа общественного порядка и государственного строя; покровительство торговле и предпринимательству в духе физиократов, меркантилистов, а затем и фритредеров; поощрение наук, опека культуры, забота об образовании и пр. Иначе говоря, как только историки сталкиваются с подобными явлениями, они чувствуют себя вправе рассуждать о «просвещенном абсолютизме» вне зависимости от того, какое содержание они вкладывают в это понятие.

«Непросвещенный абсолютизм» Павла I, в любом случае, по мысли большинства историков этого времени, противопоставляется «просвещенному абсолютизму» даже в тех случаях, когда они реализуются в деятельности одного и того же монарха. Советские историки-марксисты фактически прошли мимо того факта (между прочим, очевидного для марксистской научной парадигмы), что общего в политических режимах Екатерины и Павла принципиально больше, чем различий. И мать, и сын есть порождения века Просвещения как с точки зрения фундаментальных теорий строительства «регулярного» государства, так и с точки зрения их текущей, повседневной, рутинной деятельности в сфере управления. Все те критерии «просвещенного абсолютизма», которые историки широко применяли к политическому режиму Екатерины II, вполне применимы и к политическому режиму Павла I. Мимо этого очевидного для нас обстоятельства и прошли ученые, творившие в 1960–1990-х гг. Здесь не место обосновывать этот вывод конкретно-историческими материалами. Но любой непредвзятый читатель легко может убедиться, что Павел I заботился о развитии, скажем, образования, ничуть не меньше матери, особенно если учесть существенную разницу в продолжительности их царствований.

Выводы. Действительное различие между режимами Екатерины II и Павла I состоит в отношении к ним современников. Против последнего никто и никогда, кажется, не возражал ни в XIX, ни в XX в. Но чем, в свою очередь, детерминируются эти различия в восприятии современниками политических режимов Екатерины и Павла? Проведенный нами анализ отечественной исторической литературы убеждает, что главным отличием в их режимах почитается сам факт заговора и царевубийства 11–12 марта 1801 г. на том хотя бы основании, что ничего по-

хожего в царствование Екатерины Алексеевны просто не могло произойти в силу поголовной трепетной любви россиян к своей государыне. События 11–12 марта 1801 г., с точки зрения отечественных историков, есть, таким образом, протест против, во-первых, незавидных личных качеств Павла Петровича, во-вторых, против его неудачной внутренней и внешней политики. Сам факт цареубийства является «ultimaratio» в пользу такого вывода.

Если хотя бы допустить, что заговор и цареубийство осуществлялись на английские деньги и в английских интересах, а английское золото позволило наwerbовать исполнителей в гвардейских кругах, а также обеспечить, с помощью других факторов, лояльность наследника (такие предположения в литературе высказывались, под них подведена солидная база фактов. См. подробнее: Сорокин 2006: 15–29), пропадет возможность говорить об общедворянском сопротивлении политическому режиму Павла, и вот тогда-то, вслед за этим, у отечественных историков пропадут всякие рациональные доводы в пользу существования принципиальных различий в политических режимах Екатерины и Павла, следовательно, будут нивелироваться различия между «просвещенным» и «непросвещенным» абсолютизмом.

Отечественная историография 1960–1990-х гг., тем не менее, смогла продвинуть вперед исследование особенностей развития России последней трети XVIII в. и закономерностей эволюции российского абсолютизма в условиях разложения феодально-крепостнической системы. Однако в целом, несмотря на определенные успехи, достигнутые в рассмотрении проблемы, ее изучение в публикациях советских авторов ограничено, как правило, узостью тематических или хронологических рамок их исследований. С этим багажом отечественная историческая наука и вступила в новый век. Отсутствие до сих пор специальных обобщающих трудов по проблемам эволюции российского абсолютизма, недостаточная изученность многих важных вопросов, стремление исследователей воздержаться от теоретических обобщений, наличие в литературе спорных точек зрения – все это свидетельствовало о необходимости дальнейшей разработки указанной проблемы, предпринятой уже в XXI в. во многом с новых методологических позиций.

Литература

- Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 8. С. 82–104.
- Белявский М.Т. Крестьянский вопрос накануне восстания Е.И. Пугачева. М., 1965. 382 с.
- Белявский М.Т. Накануне «Наказа» Екатерины II: к вопросу о социальной направленности политики «просвещенного абсолютизма» // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С. 145–190.
- Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. 645 с.

- Бильбасов В.А.* История Екатерины II. Санкт-Петербург; Берлин, 1890–1896. Т. 1, 2.
- Брикнер А.Г.* История Екатерины Второй. М., 1996. Т. 1–3.
- Брикнер А.Г.* Смерть Павла I. СПб., 1907. 161 с.
- Брюллова-Шаскольская М.* Отклики пугачевщины. М., 1932.
- Булыгин И.А.* Государственный строй России в XVIII в. // История Европы с древнейших времен до наших дней. М., 1994. Т. IV.
- Буцинский П.Н.* Отзывы о Павле I его современников. Харьков, 1901. 41 с.
- Валишевский К.Ф.* Сын Великой Екатерины. СПб., 1914. 662 с.
- Василевский И.М.* (Не-Буква). Романовы: Портреты и характеристики. Пг., 1923. 332 с.
- Вейдемейер А.* Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. СПб., 1846. Ч. 2. 235 с.
- Герцен А.И.* Крещенная собственность // А.И. Герцен. Сочинения. М., 1958. Т. 7.
- Государи из дома Романовых.* М., 1913. Т. II.
- Григорович Н.А.* Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. СПб., 1881. Т. 2.
- Дружинин Н.М.* Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России. М., 1964.
- Желвакова И.А.* Рассекречивание прошлого в годы первой революционной ситуации (на примере публикаций «Исторических сборников Вольной русской типографии в Лондоне» о дворцовом перевороте 1801 года) // Революционная ситуация в России в 1859–1861. М., 1974.
- Жизнь в безопасности государыни императрицы Марии Федоровны.* М., 1829.
- Жизнь Павла Первого, императора и самодержца всероссийского.* М., 1805.
- Жизнь, свойства, военные и политические деяния российского императора Павла I.* СПб., 1805.
- Знаменский И.* Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880.
- Иванов П.К.* К вопросу о «просвещенном абсолютизме» в России 60 годов XVIII века // Вопросы истории. 1950. № 5.
- История Европы с древнейших времен до наших дней.* М., 1994. Т. 4.
- История России в XIX веке.* М., 1908. Т. I.
- История СССР с древнейших времен до конца XVIII в.* М., 1975.
- История СССР с древнейших времен до наших дней.* М., 1967. Т. 4.
- История СССР.* М., 1979.
- История СССР.* М., 1964. Т. I.
- Каменский А.Б.* Екатерина II // Вопросы истории. 1970. № 3.
- Каменский А.Б.* «Под сенью Екатерины...». СПб., 1992.
- Каменский А.Б.* Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997.
- Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России. М., 1991.
- Карамзин Н.М.* Записка о Н.И. Новикове // Н.М. Карамзин. Записки старого московского жителя. М., 1988.
- Каратов Ф.В.* Павел I: Его семейная жизнь, фавориты и убийство. Лондон, 1902.
- Кареев Н.А.* История Западной Европы в новое время. СПб., 1913. Т. III.
- Клочков М.В.* Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916.
- Ключевский В.О.* Императрица Екатерина II // В.О. Ключевский. Исторические портреты. М., 1991.
- Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983.
- Ключевский В.О.* Сочинения. М., 1989. Т. V.
- Кобеко Д.Ф.* Цесаревич Павел Петрович. СПб., 1887.
- Ковалевский П.И.* Император Петр III, император Павел I. СПб., 1906.
- Кончина российского императора Павла I, характер нового императора Александра I, внутренние перемены, новое положение во всей Европе.* М., 1802.
- Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1.

- Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие. 1762–1855. СПб., 1906.
- Краткая история СССР.* Л., 1978. Т. I.
- Макагоненко Г.П.* Радищев и его время. М., 1956.
- Материалы для биографии императора Павла I.* Лейпциг, 1874.
- Милютин Д.А.* История войны 1799 года. СПб., 1857. Т. 1.
- Назаревский Н.Н.* Царствование императора Павла I и походы Суворова в Италию и Швейцарию. М., 1910.
- Новицкий Н.А.* История СССР. М., 1945.
- Окунь С.Б.* Истории СССР. Конец XVIII – первая четверть XIX вв. М., 1974. Ч. I.
- Окунь С.Б.* К вопросу о сущности русского абсолютизма (вторая половина XVIII – начало XIX вв.) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1973. Вып. 2.
- Омельченко О.А.* «Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения» Екатерины II. Официальная политическая теория русского абсолютизма второй половины XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
- Омельченко О.А.* К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII в. // Проблемы истории абсолютизма. М., 1983.
- Омельченко О.А.* Становление абсолютной монархии в России. М., 1986.
- Панчулидзе С.* История кавалергардов. СПб., 1901. Т. 1.
- Платонов С.Ф.* Столетие кончины императрицы Екатерины II // Платонов С.Ф. Статьи по русской истории. СПб., 1903.
- Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен // М.Н. Покровский. Избранные произведения. М., 1965. Кн. 2.
- Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке // М.Н. Покровский. Избранные произведения. М., 1965. Кн. 3.
- Полевой Н.А.* Столетие России с 1745 до 1845 г. СПб., 1845.
- Похорский А.А.* Российская история, изображающая важнейшие деяния российских государей. М., 1819.
- Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XVIII в. М.; Л., 1957.
- Преснов А.* Царская Россия и французская буржуазная революция 1789 г. // Исторический журнал. 1937. № 2.
- Преснов А.* Общественная мысль в России в конце XVIII в. // Исторический журнал. 1938. № 9.
- Пыляев М.И.* Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1887.
- Пыляев М.И.* Старое житье. СПб., 1892.
- Рамбо А.* Живописная история древней и новой России. М., 1884.
- Рогинский В.В.* Ранние буржуазные государства и «просвещенный абсолютизм» в Европе XVIII в. // История Европы с древнейших времен до наших дней. М., 1994. Т. IV.
- Самойлов В.И.* Внутренняя и внешняя политика Павла I. Хлебниково, 1946.
- Сафонов М.М.* Россия на пути реформ // Преподавание истории в школе. 1980. № 4.
- Сафонов М.М.* Проблемы реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.
- Сборник постановлений и распоряжений о цензуре с 1720 по 1862 год.* СПб., 1862.
- Сироткин В.Г.* Великая французская буржуазная революция. Наполеон и самодержавная Россия // История СССР. 1985. № 5.
- Сироткин В.Г.* «Властитель слабый и лукавый», или Почему не пошла перестройка у Александра I // Наука и жизнь. 1990. № 6.
- Смерть Павла I.* М., 1912.
- Снытко Т.Г.* Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII в. // Вопросы истории. 1952. № 9.
- Сорокин Ю.А.* Павел I // Вопросы истории. 1989. № 11.

- Сорокин Ю.А.* «Непросвещенный абсолютизм» Павла I. (Проблематика и опыт изучения). Омск, 1994.
- Сорокин Ю.А.* Павел I. Личность и судьба. Омск, 1996.
- Сорокин Ю.А.* Заговор и царубийство 11 марта 1801 г. // Вопросы истории. 2006. № 4. Сочинения Екатерины II. М., 1990.
- Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья: 1797–1807. М., 1962.
- Три века.* М., 1913. Т. V.
- Троцкий И.* Семья Бестужевых // Воспоминания Бестужевых. М., 1931.
- Тыртов Е.* Анекдоты об императоре Павле Первом, самодержце всероссийском. М., 1807.
- Фадеев А.В.* Дореформенная Россия: 1800–1861. М., 1960.
- Федосов И.А.* Просвещенный абсолютизм в России // Вопросы истории. 1970. № 9.
- Филипповский Е.* Краткие исторические и хронологические описания жизни и деяний великого князя. М., 1830.
- Царубийство*, или История смерти императора Павла Первого. М., 1910.
- Чиж В.Ф.* Император Павел I // Вопросы философии и психологии. СПб., 1907. Кн. 88–90.
- Шильдер Н.К.* Император Павел I. СПб., 1901.
- Шмидт С.О.* Внутренняя политика России в середине XVIII в. // Вопросы истории. 1987. № 9.
- Шумигорский Е.С.* Император Павел I: Жизнь и царствование. СПб., 1907.
- Эйдельман Н.Я.* Герцен против самодержавия. М., 1973.
- Эйдельман Н.Я.* Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетий. М., 1986.
- Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М., 1989.
- Эйдельман Н.Я.* Мгновенье славы настает... Год 1789. Л., 1989.

Статья поступила в редакцию 3 июня 2014 г.

Sorokin Yuriy A. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

POLITICAL REGIMES OF CATHERINE II AND PAUL I IN RUSSIAN HISTORICAL LITERATURE OF THE 19th AND 20th CENTURIES

Abstract. The article describes the main trends in the development of national historiography in the 19th and 20th centuries in terms of studying the political regimes of Catherine II and Paul I. It reveals the factors that influenced the thinking of professional historians and shows metamorphoses and transformation of their views, as well as provides a chronological order that allows not only to establish the authorship of the so-called conventional views, but to understand the specificities of the evidence upon which historians relied. This allowed the author to argue that, although historians have always thought the differences between the political regimes of Catherine II and Paul I to be quite substantial, they were unable to determine what, in fact, these differences consisted in, if considered in the actual historical and formal logical aspects.

Key words: Russian historical literature, political regime, Catherine II, Paul I

References

- Avrekh A.Ia. Russkii absoliutizm i ego rol' v utverzhenii kapitalizma v Rossii [Russian absolutism and its role in the establishment of capitalism in Russia], *Istoriia SSSR*, 1968, no. 8, pp. 82–104.
- Belavskii M.T. *Krest'ianskii vopros nakanune vosstaniia E.I. Pugacheva*. Moscow, 1965, 382 p.

- Beliavskii M.T. Nakanune «Nakaza» Ekateriny II: k voprosu o sotsial'noi napravlenosti politiki «prosveshchennogo absolutizma», *Pravitel'stvennaia politika i klassovaia bor'ba v Rossii v period absolutizma* [On the eve of the 'Order' by Catherine II: on the issue of social orientation of the 'enlightened absolutism' policy, The government policy and class struggle in Russia during the period of absolutism]. Kuibyshev, 1985, pp. 145–190.
- Beskrovnyi L.G. *Russkaia armia i flot v XVIII v.* [The Russian army and fleet in the 18th century]. Moscow, 1958, 645 p.
- Bil'basov V.A. *Istoriia Ekateriny II* [The story of Catherine II. Vols. 1, 2]. St. Petersburg; Berlin, 1890–1896, vol. 1, 2.
- Brikner A.G. *Istoriia Ekateriny Vtoroi* [The story of Catherine II. Vols. 1–3]. Moscow, 1996, vol. 1–3.
- Brikner A.G. *Smert' Pavla I* [The death of Paul I]. St. Petersburg, 1907, 161 p.
- Briullova-Shaskol'skaia M. *Otkliki pugachevshchiny* [Repercussions of the Pugachev movement]. Moscow, 1932.
- Bulygin I.A. Gosudarstvennyi stroi Rossii v XVIII v., *Istoriia Evropy s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [Russia's system of government in the 18th century, The history of Europe from ancient times to the present day], vol. IV. Moscow, 1994.
- Butskinskii P.N. *Otzyvy o Pavle I ego sovremennikakh* [Reviews on Paul I and his contemporaries]. Khar'kov, 1901, 41 p.
- Valishevskii K.F. *Syn Velikoi Ekateriny* [The son of the Great Catherine]. St. Petersburg, 1914, 662 p.
- Vasilevskii I.M. (Ne-Bukva). *Romanovy: Portrety i kharakteristiki* [The Romanovs: portraits and profiles]. Petrograd, 1923, 332 p.
- Veidemeier A. *Dvor i zamechatel'nye liudi v Rossii vo vtoroi polovine XVIII stoletia* [The Court and great people in the second half of the 18th century in Russia]. St. Petersburg, 1846, part 2, 235 p.
- Gertsen A.I. Kreshchennaia sobstvennost' [The baptized property], *A.I. Gertsen. Sochineniia*. Moscow, 1958, vol. 7.
- Gosudari iz doma Romanovykh* [Sovereigns of the House of Romanov]. Moscow, 1913, vol. 2.
- Grigorovich N.A. *Kantsler kniaz' Aleksandr Andreevich Bezborodko v sviazi s sobytiiami ego vremeni* [Chancellor Duke Alexander Andreevich Bezborodko with respect to the events of his time]. St. Petersburg, 1881, vol. 2.
- Druzhinin N.M. Prosveshchennyi absolutizm v Rossii, *Absolutizm v Rossii* [The enlightened absolutism in Russia, Absolutism in Russia]. Moscow, 1964.
- Zhelvakova I.A. Rassekrechivanie proshlogo v gody pervoi revoliutsionnoi situatsii (na primere publikatsii «Istoricheskikh sbornikov Vol'noi russkoi tipografii v Londone» o dvortsovom perevorote 1801 goda), *Revoliutsionnaia situatsiia v Rossii v 1859–1861* [Declassification of the past during the years of the first revolutionary situation (through the example of publication of 'Historical collections of the Free Russian Printing House in London' on the palace coup of 1801), The revolutionary situation in Russia in 1859–1861]. Moscow, 1974.
- Zhizn' v boze pochiiushchei gosudaryni imperatritsy Marii Fedorovny* [The life of lying-in-state Empress Maria Fyodorovna]. Moscow, 1829.
- Zhizn' Pavla Pervogo, imperatora i samoderzhitsa vs Rossiiskogo* [The life of Paul the First as an Emperor and Autocrat of all Russia]. Moscow, 1805.
- Zhizn', svoistva, voennye i politicheskie deianiia rossiiskogo imperatora Pavla I* [The life, idiosyncrasy, military and political acts of the Russian Emperor Paul I]. St. Petersburg, 1805.
- Znamenskii I. *Polozhenie dukhovenstva v tsarstvovanie Ekateriny II i Pavla I* [The position of the clergy in the reign of Catherine II and Paul I]. Moscow, 1880.
- Ivanov P.K. K voprosu o «prosveshchennom absolutizme» v Rossii 60 godov XVIII veka [On the question of the 'enlightened absolutism' in Russia in the 1860s], *Voprosy istorii*, 1950, no. 5.

- Istoriia Evropy s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [The history of Europe from ancient times to the present day]. Moscow, 1994, vol. 4.
- Istoriia Rossii v XIX veke* [The history of Russia in the 19th century]. Moscow, 1908, vol. 1.
- Istoriia SSSR s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v.* [The history of SSSR from ancient times to the late 18th century]. Moscow, 1975.
- Istoriia SSSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [The history of SSSR from ancient times to the present day]. Moscow, 1967, vol. 4.
- Istoriia SSSR* [The history of SSSR]. Moscow, 1979.
- Istoriia SSSR* [The history of SSSR]. Moscow, 1964, vol. 1.
- Kamenskii A.B. Ekaterina II [Catherine II], *Voprosy istorii*, 1970, no. 3.
- Kamenskii A.B. «Pod sen'iu Ekateriny...» [‘Under the shadow of Catherine...’]. St. Petersburg, 1992.
- Kamenskii A.B. *Zhizn' i sud'ba imperatritsy Ekateriny Velikoi* [The life and fate of Empress Catherine the Great]. Moscow, 1997.
- Karamzin N.M. *Zapiska o drevnei i novoi Rossii* [A note on the old and new Russia]. Moscow, 1991.
- Karamzin N.M. *Zapiska o N.I. Novikove, N.M. Karamzin. Zapiski starogo moskovskogo zhitelia* [A note on N.I. Novikov, N.M. Karamzin, Notes of an old Moscow resident]. Moscow, 1988.
- Karatov F.V. *Pavel I: Ego semeinaia zhizn', favority i ubiistvo* [Paul I: his family life, favourites, and assassination]. London, 1902.
- Kareev N.A. *Istoriia Zapadnoi Evropy v novoe vremia* [The history of Western Europe in modern times]. St. Petersburg, 1913, vol. 3.
- Klochkov M.V. *Ocherki pravitel'stvennoi deiatel'nosti vremeni Pavla I* [Essays on the government activities in the reign of Paul I]. Petrograd, 1916.
- Kliuchevskii V.O. *Imperatritsa Ekaterina II, V.O. Kliuchevskii. Istoricheskie portrety* [Empress Catherine II, V.O. Klyuchevskiy. Historical portraits]. Moscow, 1991.
- Kliuchevskii V.O. *Neopublikovannye proizvedeniia* [Unpublished works]. Moscow, 1983.
- Kliuchevskii V.O. *Soch.* [Writings]. Moscow, 1989, vol. 5.
- Kobeko D.F. *Tsesarevich Pavel Petrovich* [Crown prince Pavel Petrovich]. St. Petersburg, 1887.
- Kovalevskii P.I. *Imperator Petr III, imperator Pavel I* [Emperor Petr III, Emperor Paul I]. St. Petersburg, 1906.
- Konchina rossiiskogo imperatora Pavla I, kharakter novogo imperatora Aleksandra I, vnutrennie peremeny, novoe polozhenie vo vsei Evrope* [The death of Russian Emperor Paul I, the idiosyncrasy of new Emperor Alexander I, domestic changes, and the new state across Europe]. Moscow, 1802.
- Korf M.A. *Zhizn' grafa Speranskogo* [The life of Count Speranskiy]. St. Petersburg, 1861, vol. 1.
- Korf S.A. *Dvorianstvo i ego soslovnnoe upravlenie za stoletie. 1762–1855* [The nobility and its estates governance throughout the century, 1762–1855]. St. Petersburg, 1906.
- Kratkaia istoriia SSSR* [A brief history of SSSR]. Leningrad, 1978, vol. 1.
- Makagonenko G.P. *Radishchev i ego vremia* [Radishchev and his time]. Moscow, 1956.
- Materialy dlia biografii imperatora Pavla I* [Materials for biography of Emperor Paul I]. Leiptsig, 1874.
- Miliutin D.A. *Istoriia voiny 1799 goda* [The history of the War of 1799]. St. Petersburg, 1857, vol. 1.
- Nazarevskii N.N. *Tsarstvovanie imperatora Pavla I i pokhody Suvorova v Italiu i Shveysariiu* [The reign of Emperor Paul I and Suvorov's campaigns in Italy and Switzerland]. Moscow, 1910.
- Novitskii N.A. *Istoriia SSSR* [The history of SSSR]. Moscow, 1945.
- Okun' S.B. *Istorii SSSR. Konets XVIII – pervaiia chetvert' XIX vv.* [Histories of SSSR. The late 18th to the first quarter of the 19th centuries]. Moscow, 1974, part I.